

ГОТОВИМСЯ К УРОКУ

УДК 821.161.1.3(Пушкин А. С.) ББК Ш33(2Рос=Рус)-8,444

Т. А. Ложкова
Екатеринбург, Россия

ДИАЛЕКТИКА ХАРАКТЕРА И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о специфике художественного решения проблемы взаимодействия характера и обстоятельств в историческом романе А. С. Пушкина.

Ключевые слова: Пушкин, «Капитанская дочка», реализм, характер, обстоятельства.

T. A. Lozhkova
Yekaterinburg, Russia

DIALECTICS OF NATURE AND CIRCUMSTANCES IN THE NOVEL BY ALEXANDER PUSHKIN «THE CAPTAIN'S DAUGHTER»

Abstract: The article discusses the specifics of artistic interaction of nature and circumstances in Alexander Pushkin's historical novel.

Keywords: Pushkin, «The captain's daughter», realism, character, circumstances.

Замысел романа «Капитанская дочка» складывался у А. С. Пушкина довольно долго и прошел в своем развитии не одну стадию [См. подробно: Петрунина 1987: 241–287; Гей 2008: 330–370]. Не менее трудным было и его восприятие. Вспомним, хотя бы, как долго и мучительно осмыслилась жанровая специфика «Капитанской дочки». В разные времена в критике и литературоведении произведение предлагалось считать семейной хроникой, мемуарами, повестью [Макогоненко 1982: 347–351]. Мы разделяем мнение исследователей, склонных рассматривать «Капитанскую дочку» как исторический роман с глубоким социально-философским содержанием. Его относительно небольшой объем создает особые трудности для восприятия необычайно насыщенного художественным смыслом текста.

Роман представляет собой записки пожилого человека, вспоминающего о событиях своей юности. Таким образом, в тексте обозначены начальный и итоговый моменты трудного и долгого процесса формирования и развития личности героя.

Как помним, в шестнадцать лет Петруша, «был обучен русской грамоте», «мог весьма здраво судить о свойствах борзого кобеля» и самостоятельно освоил технологию изготовления воздушных змеев из географических карт — результат общения с «мосье Бопре», не очень понимавшим значение слова *outchitel* (258–259)¹. Незрелость ума оказывается соотнесенной и с некоторой незрелостью души: явная инфантильность проявляется в мечтах Петруши о свободе и удовольствиях столичной жизни, в не-

лепом кутеже с Зуриным. Позже он на какое-то время поддается отрицательному обаянию Швабрина, не сразу оценит душевные достоинства представителей семейства Мироновых.

Однако по ходу сюжета Петруша удивительно быстро взрослеет, все чаще начинает проявлять силу характера, способность принимать самостоятельные решения, брать на себя ответственность за жизнь близких ему людей.

Еще более заметно различие между мальчиком Петрушей и стариком Петром Андреевичем Гриневым — автором записок. Петруша был мало склонен к интеллектуальной деятельности. Записки пишет человек, явно привыкший к напряженной работе мысли, умеющий и любящий размышлять и прекрасно владеющий пером. Петр Андреевич обнаруживает и высокий уровень образованности: он основательно знаком с трудами европейских философов-просветителей, прекрасно знает современную ему русскую литературу, сведущ в юриспруденции. Вспомним его рассуждения о способах получения доказательств вины подсудимого: «Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался безо всякого действия. Думали, что собственное признание преступника необходимо было для его полного обличения, — мысль не только неосновательная, но даже и совершенно противная здравому юридическому смыслу: ибо, если отрицание подсудимого не приемлется в доказательство его невинности, то признание его и того менее должно быть доказательством его виновности. Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая» (300). Как известно, принцип презумпции не-

¹ Цит по: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — Л.: Наука, 1977—1979. — Т. 6. Художественная проза. — 1978. — 575 с. с указанием страницы.

виновности, о котором рассуждает Гринев, был впервые сформулирован в труде Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях», изданном в Италии в 1764 году, а затем получившем известность, благодаря переводу на французский язык, сделанному Вольтером. В 1789 году презумпция невиновности была провозглашена в 9 статье «Декларации прав человека и гражданина» [См. подробнее: Газетдинов 2005: 68–74]. Возможно, Петр Андреевич ознакомился с трудами Беккариа, возможно, он внимательно изучал текст важнейшего политического и законодательного акта Великой Французской революции, не исключено, что он и самостоятельно пришел к аналогичным выводам. В любом случае Гринев-старший — человек с блестяще развитым юридическим мышлением.

Есть в его записках и свидетельства специального интереса к проблеме народного движения. Он, очевидно, основательно рылся в архивах, пытаясь разобраться в причинах трагических событий, в эпицентре которых оказался в юности, хорошо владеет статистическими, историческими сведениями об интересующей его эпохе.

Петр Андреевич Гринев — один из образованнейших и умнейших людей в России начала XIX века. Между тем, ни гимназий, ни университетов он не заканчивал, честно тянул служебную лямку на протяжении всей жизни. Карьеры особой не сделал и богатств не нажил. Так чему же была посвящена долгая жизнь? Неустанной работе над собой, собственному интеллектуальному развитию, самообразованию и нравственному самосовершенствованию. Как все это далеко от радужных планов юного Петруши, намеревавшегося весело и со вкусом развлекаться в Петербурге! В чем причина такой эволюции характера? Ответ напрашивается сам: причина в социально-исторических обстоятельствах, круто перевернувших ценностные представления героя о мире и собственной жизни. Именно они являются фактором, определяющим логику внутренней жизни героя, его духовной эволюции, о чем неоднократно говорилось в пушкиноведении [Гуковский 1957: 373, Макогоненко 1982: 351].

Народные восстания привлекали внимание русских писателей в качестве объекта для художественного изображения, начиная с середины XVIII века. Особенно интересовала эта тема романтиков, что позволяет поставить вопрос о своеобразии пушкинского подхода к ее воплощению. Весьма основательно данный вопрос рассмотрен Г. А. Гуковским. Исследователь напоминает, что романтики, абсолютизовавшие значение личностного, субъективного фактора в истории, как правило, персонифицировали идею социального зла в образе деспота, тирана, угнетателя. Они старались как можно ярче изобразить преступления властителя, тем самым морально оправдывая его насильственное свержение. При

этом глава восстания этически противопоставлялся тирану как личность высокая, идеальная, нравственно безупречная [Гуковский 1957: 375].

Работая над романом «Дубровский», Пушкин пошел по тому же пути. В этом произведении весьма колоритно изображен образ Кирилы Петровича Троекурова, подробно описаны его многочисленные подлости и злодейства, вызывающие и у других героев, и у читателей справедливый гнев и оправдывающие Владимира Дубровского в чувстве благородной мести: «В краткой и поневоле упрощенной формуле случайность сюжета „Дубровского“ сводится к следующему: не отбери Троекуров Кистеневки, не было бы и бунта — как бунта Дубровского, так и бунта кузнеца Архипа; или даже иначе: не будь ссоры между Троекуровым и старым Дубровским или даже не будь грубой шутки троекуровского пса на счет кистеневского помещика, не было бы восстания. Отсюда и дальнейшая логика событий: „случайность“ любви Владимира Дубровского ликвидирует восстание» [Гуковский 1957: 375–376].

Однако, работая над этим романом, Пушкин задумался над более глубокими причинами социальных антагонизмов. В самом деле, некоторые из крестьян не имеют личных счетов с Троекуровым, между тем они охотно вступают в разбойничью шайку и отказываются разойтись после того, как Дубровский объявляет о нежелании мстить своему врагу далее. Очевидно, дело не в личных пороках Троекурова и не в природной жестокости разбойников (вспомним красноречивый эпизод спасения кошки кузнецом Архипом, не пожалевшим, однако, людей, запертых им же в горящем доме). Писатель приходит к мысли о том, что не личная воля героев и тиранов, но социальная борьба является одним из ведущих факторов истории. Вот почему в «Капитанской дочке» нет не только героя, персонифицирующего в себе идею социального зла и насилия, но и вообще практически отсутствуют как сцены насилия помещиков над крепостными, так и описание жестоких расправ пугачевцев над своими жертвами.

В романе Пушкина в непримиримой борьбе сталкиваются не закон и беззаконие, не правда и ложь, но два мира, трагически противопоставленные друг другу в силу объективных законов общественного устройства. По мысли Ю. М. Лотмана, вся художественная ткань романа отчетливо распадается на два идейно-стилистических пласта, подчиненных изображению двух миров: «Каждый из двух изображаемых Пушкиным миров имеет свой бытовой уклад, оваянный своеобразной, лишь ему присущей поэзией, свой склад мысли, свои эстетические идеалы» [Лотман 1988: 110]. У каждой стороны есть и своя историческая, социальная «правда», свое представление о справедливости. Каждая живет по своим законам, но при этом исключается возможность признания другой правды, позиции другой стороны.

И в дворянской, и в крестьянской среде мы встречаемся, преимущественно, с очень славными людьми. С первых минут мы проникаемся симпатией к представителям патриархальных дворянских семей. Особой теплотой и поэзией овеяны образы Ивана Кузьмича и Василисы Егоровны Мироновых. Им свойственны бесконечная доброта, сердечность, простодушие и удивительная душевная щедрость. Их любовь безыскусна и бесхитростна, но она оказывается крепче стали и сильнее смерти. Безукоризненная честность и твердость нравственных принципов отличают Андрея Петровича Гринева. Да и Андрей Карлович Р., оренбургский губернатор, — в общем, добродушный старик. Но и пугачевцы вовсе не кажутся закоренелыми злодеями. Пушкин часто отмечает их внешнюю и внутреннюю привлекательность. Добрые порывы оказываются свойственны им, казалось бы, в самые неподходящие моменты: «Меня притащили под виселицу. „Не бось, не бось“, — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить» (308). И уж совсем непривычным для читателя оказался образ Пугачева — предводителя восстания. Он не похож ни на кровавого насильника, заслужившего кару за свои преступления, ни на идеализированного благородного разбойника — любимого героя романтиков.

Пушкин очень хорошо знал биографию Емельяна Пугачева (исторического прототипа интересующего нас персонажа). В ходе работы над «Историей Пугачевского бунта» писатель в подробностях изучил особенности характера, своеобразие личности этого непростого человека. Однако, работая над романом, он практически не воспользовался этим богатейшим материалом. Очевидно, психологический портрет Пугачева как конкретной личности, живущей индивидуальной внутренней жизнью, не являлся художественной задачей Пушкина. В образ героя писатель вкладывает какой-то другой смысл. Какой же?

Прежде всего, исследователи обращают внимание на то, что, создавая своего Пугачева, Пушкин очень широко опирается на фольклорные традиции. Героя окружает поэтическая атмосфера народных песен, сказок, легенд и преданий. Его речь лишена индивидуальной характерности, заметно опозитивирована, ей свойственна особая мелодичность, ритмичность, яркая образность. Она насыщена пословицами, поговорками, прибаутками, характерными для фольклорных жанров постоянными эпитетами, устойчивыми фразеологическими словосочетаниями, инверсиями. В самый важный, кульминационный момент общения с Гриневым, пытаясь объяснить свою жизненную позицию, Пугачев рассказывает старую калмыцкую сказку. Получается, что герой думает и говорит так, как думает и говорит весь народ, он — носитель не индивидуального, но коллективного сознания, выразитель самых сокро-

венных общенародных дум и чаяний. Создавая образ Пугачева, Пушкин использует прием метонимии, в результате отдельный персонаж оказывается воплощением народной души в целом. Именно этот прием является одним из ведущих в фольклоре: былинный богатырь, например, воплощает в себе важнейшие черты общенародного характера. Вот почему и портрет героя лишен сколько-нибудь ярких индивидуальных черт. В описании внешности Пугачева постоянно повторяются две-три детали: черная борода, сверкающие (горящие, блистающие) глаза, широкие плечи. В итоге читатель видит перед собой не конкретного человека с неповторимым характером, а обобщенный образ удалого доброго молодца из народной разбойничьей песни. Особую драматичность и поэтичность придают образам Пугачева и пугачевцев цветовые лейтмотивы. Герои постоянно являются читателю в ответах красного и золотого цветов. То Пугачев одет в красный кафтан и шапку с золотыми кистями, то он сидит в избе со стенами, оклеенными золотою бумагой в том же красном кафтане, то его окружают соратники с «красными разгоряченными рожами» и т.д. Устойчивость этих цветовых импульсов приводит к актуализации символического их значения, закрепленного в многовековой народной традиции: золотой цвет — символ княжеской, царской власти, красный — цвет крови, но и символ жизни и красоты. Художественные функции портрета в пушкинском романе — тема особого, специального разговора, в данной статье мы лишь упомянем об очень плодотворной, на наш взгляд, мысли Н. К. Гея, предлагающего рассматривать портрет как повествовательное «событие» в рамках специфической идеографической системы, фактор «внутреннего» сюжета романа, определяемого «драматургией» встреч двух главных героев — Гринева и Пугачева [Гей 2008: 362–364].

Наконец, отметим глубинную фольклорную основу самого сюжета «Капитанской дочки». Гениальная Марина Цветаева одной из первых заметила, что она определяется древним архетипом, связанным с идеей взаимоотношений между мифологическим тотемным предком и его потомком [Цветаева 2006]. Эта мифологема хорошо знакома нам по известной сказке об Иване-царевиче и сером волке. Волк-оборотень помогает герою сказки, не только расплачиваясь за причиненный ему ущерб (съеденного коня), но и в согласии с древними законами родовой, кровной связи. В облике Пугачева есть черты неуловимо странные, напоминающие что-то волчье. Особенно обращают на себя внимание его горящие глаза (кстати, таковы они у всех пугачевцев, не случайно в пленном башкирце капитан Миронов увидел «старого волка»). Вспомним и первое его появление в романе: «Вдруг увидел я что-то черное. „Эй, ямщик! — закричал я, — смотри: что там такое чернеется?“ Ямщик стал всматриваться.

„А бог знает, барин,- сказал он, садясь на свое место,- воз не воз, дерево не дерево, а кажется, что шевелится. *Должно быть, или волк или человек*“» (курсив наш — Т. Л.) (268). Образ волка богат архетипическими ассоциациями: «В мифологических представлениях многих народов Евразии и Северной Америки образ **Волка** был преимущественно связан с культом предводителя боевой дружины (или бога войны) и родоначальника племени» [Мифы народов мира 1994: 242]. У В. И. Даля читаем: «**Водырь** [род.-я], **вожатый, вожатай** м., **вожатка** ж. проводник слепцов, коноводов, передовая скотина в стаде. [Даль 1998: 546]. Пушкинский Пугачев — и порождение народной стихии, и одна из форм ее проявления: «...не только он делает восстание, но и восстание делает его, образуя из него вождя, полководца, правителя» [Гуковский 1957: 377]. В связи с этим особый смысл получает логика его взаимоотношений с Гриневым и Машей. Подобно сказочному волку — мифологическому родоначальнику и покровителю, Пугачев помогает героям преодолеть препятствия, мешающие их соединению и действительно оказывается чуть ли не посаженным отцом Маши. Наконец, нельзя не вспомнить вещий сон Петруши, в котором Пугачев является *вместо отца* и призывает героя под свое *благословение*. В результате Гринев и Пугачев оказываются связанными какими-то странными, чуть ли не родственными отношениями. Таким образом, сюжет романа выводит читателя к древнейшим пластам национальной культуры, к пониманию исконной, стихийной близости принадлежащих к ней героев.

В какой-то момент Пугачев оборачивается к читателю и иной своей ипостасью, тоже сказочной, но связанной с другими архетипами. Здесь Пушкину пришлось на помощь имя героя. Сожалая о трагической судьбе своего знакомца, Гринев неожиданно называет его в уменьшительной форме: «Емеля, Емеля! — думал я с досадою, зачем не наткнулся ты на штык или не подвернулся под картечь? Лучшее ничего не мог бы ты придумать» (350). Круг читательских ассоциаций, связанных с именем *Емеля*, достаточно ясен. Страшноватый, грозный, герой вдруг оборачивается простодушно-лукавым «мужичком», лихо замахнувшимся на царский трон в вечной, исконно русской надежде на чудо, великое «авось». Все сказанное заставляет нас воспринимать образ Пугачева как своеобразную квинтэссенцию и ярчайшее выражение народной души и народного сознания,

Последовательно проводя через весь роман антитезу двух социальных лагерей, писатель сумел выявить и их исконное единство. Мы уже отметили мотив глубинной, кровной связи между главными героями романа. Обращали мы внимание и на то, что речь Пугачева и пугачевцев выдержана в фольклорно-поэтическом стиле. Но и герои-дворяне ши-

роко пользуются теми же речевыми клише, например, пословицами и поговорками. Василиса Егоровна буквально пересыпает ими свою речь: «А ты, мой батюшка,... не печалься, что тебя *уекли* в наше захолустье. Не ты первый, не ты последний. *Стерпится, слобится*» (здесь и далее курсив наш — Т. Л.) (275). Отец Гринев напутствует сына: «...помни пословицу: *береги платье снову, а честь смолоду*» (262). Иван Игнатьич молодецки отвечает на опасения комендантши: «... *Авось* дадим отпор Пугачеву. *Господь не выдаст, свинья не съест*» (298). Пословица — жанр, имеющий самое прямое отношение к народному мировоззрению, многовековой народной мудрости. Вот и получается, что во многом понимают жизнь герои одинаково, у них есть и общие представления о добре и зле, о самых общих, философских законах мирового устройства, они — носители единой ментальности, они — нация, органическое целое. Тем страшнее трагедия, которую переживает нация, расколота надвое жестокими объективными социальными законами.

Пушкина мучает мысль о роковом и неизбежном взаимном ожесточении обеих сторон. Как страшно меняется облик наших любимых героев в момент решительных столкновений! Вот добрейший, милейший Иван Кузьмич Миронов со знанием дела (не в первый раз) принимается за пытку пленного башкирца. Вслушаемся в его слова: «Эхе! <...> Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал? <...> Якши <...> Ты у меня заговоришь. Ребята! Сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!» (301) Иван Кузьмич не способен увидеть в башкирце *человека*, а потому позволяет себе совершать по отношению к нему такие действия, которых он никогда не позволил бы себе в среде *своих*. Но и башкирец, в свою очередь, без всяких колебаний и сомнений принимает участие в казни капитана Миронова, потому что и для него представители противоположной стороны — не люди, и к ним не приложимы соображения гуманности, справедливости, сострадания. Герои безжалостно истребляют друг друга — такова жестокая логика волчьего мира. При этом никто из них не испытывает личной ненависти к конкретным врагам, а потому при случае они могут вдруг повести себя совсем неожиданно. Вот, например, урядник Максимыч — один из прямых виновников гибели капитана Миронова, указавший на него Пугачеву в момент расправы и затем охотно перешедший на сторону восставших. Но этот же «предатель» Максимыч рискует жизнью, чтобы доставить Петруше письмо Маши, искренне сочувствуя ей. В итоге сталкиваются в романе не «хорошие» и «плохие»

герои, но люди, разделенные объективными социальными обстоятельствами.

В связи с этим заслуживает внимания старый спор о том, кому, автору или герою, принадлежат в романе знаменитые слова: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный». Решение этого вопроса зачастую оказывается связанным с желанием, порой неосознанным, определить, *на чьей стороне автор романа?* Постараемся избежать соблазна простых решений. Начнем с того, что повествование в романе ведется от лица Петра Андреевича Гринева. Следовательно, и знаменитая фраза принадлежит ему. Совпадает ли позиция героя с позицией автора романа?

Разрабатывая эстетические принципы новой, реалистической, художественной системы, Пушкин настойчиво приучал читателя к идее нетождественности сознания героя и автора. Точка зрения героя оказывается лишь одним из возможных вариантов отношения к миру, но исчерпать все многообразие бытийных смыслов она не может. Авторское понимание действительности воплощается в самой художественной структуре произведения, в частности, в логике развития сюжета, характере развязки, в системе образов и т.д. Поэтому далеко не случайным представляется активное использование в романе разного рода параллелизмов как на уровне фабульных линий (Пугачев — Гринев, Екатерина — Маша), так и на уровне прямых перекличек между конкретными сценами, эпизодами. Ключевой в данном случае является прямая соотнесенность двух военных советов, состоявшихся в мятежной слободе и в Оренбурге. Каждый сован для того, чтобы принять решение, имеющее первостепенное значение для той и другой стороны. Оба изображены сквозь призму восприятия Петруши Гринева. Читатель сразу может заметить, что соотнесены сцены по принципу контраста. На Оренбургском совете не оказалось ни одного сведущего в военном деле специалиста, кроме губернатора и Петруши. Пугачев собирает казацких старшин, непосредственно командующих отрядами восставших. Участников совета в Оренбурге соблюдение служебной субординации волнует гораздо больше, чем последствия принятого ими решения. Их возмущает инициативность Петруши, посмевшего предлагать решительные меры по защите города. На совете у Пугачева все обходятся между собой «как товарищи», «хвастают» и «свободно оспаривают Пугачева». Оренбургский губернатор присоединяется к осторожному большинству, не смея брать на себя ответственность за судьбу горожан. Пугачевцы принимают «дерзкое» решение, которое чуть было не увенчалось успехом. Контраст виден даже в мелочах: пресной «чашке чая», которой угощает своих гостей губернатор, пугачевцы предпочитают штофы с вином. Губернские чиновники обращаются друг к другу исключительно офи-

циально: «господин коллежский советник», «господин прапорщик» и т.д. Мы не слышим ни одного имени, не видим их лиц, их глаз. Речь губернатора, монотонная и невыразительная, представляет собой сплошные унылые цитаты из воинских уставов и артикулов. Пушкинская тенденциозность в описании оренбургского совета будет более заметной, если мы сопоставим его с реальными историческими фактами. Как известно, 7 октября 1773 в Оренбурге действительно состоялся военный совет, на котором присутствовали не только чиновники (как у Пушкина), но и большое количество офицеров высокого ранга, в том числе генерал-майор К. И. Валленштерн и губернатор генерал-майор И. А. Рейнсдорп. Именно офицеры настаивали на оборонительной тактике, что и было сделано. Во время осады обороняющиеся действовали достаточно профессионально и сумели постепенно собрать значительные силы (до семи тысяч солдат, до ста пушек) [См. подробнее: Оренбургская пушкинская энциклопедия 1977: 295–290]. Пушкин хорошо знал эти факты. Отметим также, что Пушкин настойчиво называет губернатора *немцем*, между тем прототип Андрея Карловича Р*** И. А. Рейнсдорп был датчанином, что опять же было хорошо известно автору романа. Очевидно, писатель использует слово *немец* в его простонародном значении («чужой», «не наш»), стремясь ярче выявить глубокую внутреннюю чуждость представителя государственной власти глубинным основам народной, национальной жизни. Не случайно в его речи и поведении подчеркнуты иноземные элементы.

По контрасту с безликими, бездушными чиновниками пугачевцы кажутся особенно живыми и естественными. У них «красные рожи», «блистающие глаза», они одеты в цветные рубашки. Удивительно органичен сам Пугачев, тщетно старающийся выглядеть величественным и постоянно сбивающийся с официального тона на приятельски-задушевный: «Он часто обращался к человеку лет пятидесяти, называя его то графом, то Тимофеичем» (313). Особую поэтичность сцене придает старинная песня, авторство которой народное предание приписывает известному в XVIII веке разбойнику Ваньке Каину. Гринев, захваченный этой стихийной мощью и энергией, не может удержаться от невольного восхищения: «Их грозные лица, стройные голоса, унылое выражение, которое придавали они словам и без того выразительным, — все потрясло меня каким-то *пштитическим ужасом*» (314). Лейтмотивом через всю сцену проходит образ виселицы (идя на совет, Петруша проходит мимо виселицы с телами повешенных, о виселице поется в песне пугачевцев, унылые их лица несут на себе печать предчувствия смерти на виселице). Пушкин придает всему эпизоду трагический характер — кровавая дорога ведет пугачевцев только к гибели. Но автор не может не

сочувствовать своим героям, не восхищаться их мужеством и отвагой. Понимает он и неизбежность жестоких социальных коллизий. Но столь же живое сочувствие вызывают у него и «простые» представители дворянского мира — Гринева, Мироновы. Их образы овеяны такой же поэтичностью, так же полны жизни. Пушкину удалось с неслыханной для его времени глубиной выявить масштабы трагедии, которую переживает расколота нация, показать ужас гражданской войны, в которой не может быть правых и виноватых, победителей и побежденных.

На эту трагедию писатель стремится взглянуть сквозь призму вечных, высших гуманистических ценностей. Именно о них заставляют нас задуматься взаимоотношения главных героев романа — дворянского мальчика Петруши Гринева и предводителя мятежной крестьянской массы Пугачева. Для каждого из них эта встреча стала поворотным моментом в судьбе. Мы уже отмечали, что именно невольное участие в событиях народного бунта резко изменило представления Гринева о жизненных ценностях и определило всю логику дальнейшей эволюции его характера. Но и для Пугачева общение с этим мальчиком не прошло бесследно. Помогая Петруше обрести любовь и счастье, Пугачев, очевидно, открыл в себе дотоле, глубоко скрытую от чужого глаза, а может быть, и самому ему неизвестную душевную щедрость и доброту. Безотчетная симпатия, которую герои почувствовали друг к другу с первой встречи, постепенно переросла в чувство глубокой привязанности и любви. Любопытно, что импульс, определивший именно такой поворот в их отношениях, исходит от Петруши. Именно он с ласковой участливостью обращается к подозрительному бродяге: «Что, брат, прозяб?» (270). Это он заботится о том, чтобы «вожатого» накормили, напоили, «с охотою» исполняет просьбу бродяги о «стакане вина» и, наконец, желая отблагодарить выручившего его из беды человека, одаривает его знаменитым заячьим тулупчиком. Наивному Петруше кажется, что «мужичок» очень обрадован его подарком. Между тем, как помним, тулупчик оказался безнадежно мал Пугачеву и вряд ли ему пригодился. Нет, не тулупчик стал причиной удивительной сцены, разыгравшейся в момент прощания: «Он проводил меня до кибитки и сказал *с низким поклоном*: «Спасибо, ваше благородие! Награди вас господь за вашу добродетель!» (272). Это Пугачев, бунтовщик и глава бунта, низко кланяется и призывает на голову случайного попутчика-мальчишки божье благословение! Видимо, не так уж часто слышал он по отношению к себе простые человеческие слова участия и сочувствия. Сравним, хотя бы, реплики Петруши с причитаниями Савельича, не жалеющего бранных слов в адрес вожатого: «Зачем ему твой заячий тулуп? Он его пропьет, собака, в первом кабаке <...> Бога ты не боишься, разбойник!

<...> Заячий тулуп почти новешенький!<...> И добро бы кому, а то *пьянице оголелому!*» (272) Очевидно, именно такой стиль общения более привычен Пугачеву, отметим, однако, его добродушие — он ни словом не задел Савельича, обращаясь к нему с ласковой снисходительностью: «Это, старинушка, уж не твоя печаль,— сказал мой бродяга,— пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться» (272). Отметим попутно, как в устах Пугачева пустяковый подарок превращается в фольклорно-сказочный акт одаривания («шуба» с барского «плеча»). Такая игра словами позволяет выявить сложное переплетение сюжета «внешнего» (авантюрный характер эпизода с «заячьим тулупом») и «внутреннего» (драматургия взаимоотношений Гринева и Пугачева) (Гей 2008: 364).

Оказавшись в катастрофических обстоятельствах, рискуя своей жизнью, Петруша остается верен принципу человечности по отношению к любому, не зависимо от ситуации. Сравним два диалога. Вот как говорят между собой Пугачев и капитан Миронов: «Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: "Как ты смел противиться мне, своему государю?" Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: „Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!“» (308) И вот другой диалог:

«Я отвечал Пугачеву: „Слушай; скажу тебе всю правду. Рассуди, могу ли я признать в тебе государя? Ты человек смысленный: ты сам увидел бы, что я лукавствую“.

— Кто же я таков, по твоему разумению?

— Бог тебя знает; но кто бы ты ни был, ты шутишь опасную шутку.

Пугачев взглянул на меня быстро. „Так ты не веришь, — сказал он, — чтоб я был государь Петр Федорович? Ну, добро. А разве нет удачи удалому? Разве в старину Гришка Отрепьев не царствовал? Думай про меня что хочешь, а от меня не отставай. Какое тебе дело до иного-прочего? Кто ни поп, тот батька. Послужи мне верой и правдою, и я тебя пожалую и в фельдмаршалы и в князья. Как ты думаешь?“

— Нет, — отвечал я с твердостью. — Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу. Коли ты в самом деле желаешь мне добра, так отпусти меня в Оренбург.

Пугачев задумался. „А коли отпущу, — сказал он, — так обещаешься ли по крайней мере против меня не служить?“

— Как могу тебе в этом обещаться? — отвечал я. — Сам знаешь, не моя воля: велят идти против тебя — пойду, делать нечего. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. На что это будет похоже, если я от службы откажусь, когда

служба моя понадобится? Голова моя в твоей власти: отпустишь меня — спасибо; казнишь — бог тебе судья; а я сказал тебе правду» (315–316).

Казалось бы, оба ответа персонажей на предложение «послужить» народному «царю» имеют один и тот же смысл. Почему же Пугачев так поразному на них реагирует — Ивана Кузьмича, разъярившись, отправляет на виселицу, а Петрушу отпускает? Неужели только из-за тулупчика? Внимательно вчитавшись в слова героев, мы увидим принципиальное различие их ответов. Капитан Миронов отвечает предельно жестко, оскорбляет Пугачева, подчеркивая, что видит в нем только негодяя, вора, глубокое презрение звучит в заключительном «слышь ты!» Тем самым он исключает любую возможность диалога с Пугачевым — два волка могут только сцепиться в смертельной схватке. Петруша, будучи так же, как и Иван Кузьмич, человеком чести, разумеется, тоже отвергает возможность спасти себе жизнь ценой измены. И для него неприемлем выход, предложенный перепуганным Савельичем: «Батюшка, Петр Андреич!... Не упрямясь! Что тебе стоит? Плюнь, да поцелуй у злод... (тьфу!) поцелуй у него ручку!» (309) (Именно так поступит бесчестный Швабрин). Однако, отвечая Пугачеву, Гринев обращается к нему как к человеку умному, объясняет свой отказ, поскольку уверен, что собеседник способен понять, что такое присяга и слово чести. Наконец, Петруша предполагает, в Пугачеве способность быть добрым и великодушным по отношению к врагу. И волк на наших глазах снова оборачивается человеком: «Так и быть,- сказал он, ударяя меня по плечу. — Казнить так казнить, миловать так миловать. Ступай себе на все четыре стороны и делай что хочешь» (316).

Так от главы к главе все ярче выявляется глубинная сущность характера Петруши Гринева — его удивительная доброта и человечность. Вспомним его трогательные, почти сыновние чувства по отношению к Савельичу — своему крепостному слуге. Никогда не позволяет он себе обратиться к Савельичу так, как например, его отец, Андрей Петрович: «Стыдно тебе, старый пес, что ты, невзирая на мои строгие приказания, мне не донес о сыне моем Петре Андреевиче <...> Так ли ты исполняешь свою должность и господскую волю? Я тебя, старого пса! Пошлю свиней пасти за утайку правды...» (292). Только один раз, подвыпив, накричит Петруша на верного дядьку после бильярдного проигрыша. И как же стыдно будет ему после, как искренне он попросит у своего крепостного (!) прощения: «Ну, ну, Савельич! Полно, помиримся, виноват; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись; помиримся» (266).

Разительным контрастом ко всему происходящему становятся и переживания Петруши в сцене

пытки башкирца. Выше мы уже обращали внимание на характер поведения и речи капитана Миронова в этой сцене. Петруша никак не может разделить его презрения и ненависти по отношению к пленному: «Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека» (300). Глубокое сочувствие вызывает у героя «несчастный старик». Именно пережитое в этот момент потрясение навсегда поселило в душе Гринева ненависть к любому насилию человека над человеком: «Молодой человек! Если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений» (301). Перед обаянием этой человечности и не смог устоять закоренелый мятежник Пугачев, доброта юного мальчика растопила его сердце и вызвала ответный могучий поток щедрости, великодушия, благородства и любви.

Однако общение с Гриневым не прошло бесследно и для самосознания Пугачева. Обратимся к эпизоду, кульминационному в развитии романного сюжета — Пугачев, пытаясь сформулировать и объяснить свою жизненную позицию, рассказывает Гриневу калмыцкую сказку. Он с нетерпением ждет реакции собеседника — мнение Гринева стало для него очень важным и он жаждет услышать слова одобрения и восхищения: «- Какова калмыцкая сказка? — Затеялива, отвечал я ему. — Но жить убийством и разбоем значит по мне клевать мертвечину. Пугачев посмотрел на меня с удивлением и ничего не отвечал» (338). В этом удивленном молчании Пугачева кроется многое. Смелый ответ шестнадцатилетнего мальчика заставил его вдруг взглянуть на всю свою страшную жизнь совсем по-новому. Кровавая дорога мести, насилия, убийства оказалась несовместимой с мечтой о торжестве справедливости. Видимо, после этого разговора в душе Пугачева совершился какой-то переворот, он утратил уверенность в правильности того, что он делает. Не случайно далее в романе речь пойдет уже только о поражениях и гибели Пугачева. Возможно, и перед смертью он продолжал мучительно размышлять о словах Гринева — прощальный его кивок Петруше в момент казни говорит читателю о многом.

Откуда же в Петруше Гриневе такая покоряющая доброта, удивительная для шестнадцатилетнего недоросля мудрость? Конечно, многое можно объяснить семейным воспитанием. Чувство долга, родовой и сословной чести, безусловно, заложено в нем отцом. В начале романа мы читаем о том, что Андрей Петрович Гринев в молодости блистательно начал военную карьеру, однако, прервал ее, выйдя в отставку при графе Минихе. Намек на особые обстоятельства этой отставки в романе достаточно прозрачен: как известно, фельдмаршал Миних угодил в двадцатилетнюю ссылку, отказавшись прися-

гать Елизавете Петровне, свергшей малолетнего законного императора Иоанна Антоновича и оказавшейся самозванкой на российском троне. Очевидно, и Андрей Петрович Гринев оказался в числе немногих сохранивших верность присяге. Между тем, он, по-видимому, представитель рода знатного: в числе его близких родственников числится гвардии майор князь Б., протекции которого оказывается достаточно для того, чтобы определить Петрушу в привилегированный Семеновский полк (358). В старом Гриневе очень сильно чувство родовой чести, весть об измене сына стала страшным ударом для него: «Не казнь страшна: пращур мой умер на лобном месте, отстаивая то, что почитал святынею своей совести; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущевым. Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!... Стыд и срам нашему роду!...» (355). Любопытно, что гнев Андрея Петровича, узнавшего о намерении Петруши жениться на Маше, не вяжется с его собственной жизненной практикой: сам он, как известно, по выходе в отставку женился на дочери бедного провинциального дворянина. Выгоды брак не принес, следовательно, был совершен по любви. Сын и в этом повторяет отца.

Многому смог научиться Петруша и у капитана Миронова. И все же заметно, что понимание чести у Андрея Петровича и Ивана Кузьмича иное, чем у Петруши. С их точки зрения бесчестно изменить присяге, данному слову, но при этом для дворянина нет ничего бесчестного в обращении «старый пес» по отношению к преданному слуге, нет ничего чудовищного в пытке бунтовщика. Ясно, что ни от кого из этих героев не мог Петруша получить собственного ему глубокого понимания человеческой души, твердого убеждения в том, что подлинные нравственность и гуманизм не могут быть загнаны в узкие рамки социальных, сословных интересов. Таким образом, обстоятельства объясняют нам в характере героя очень многое, но далеко не все.

Пожалуй, окончательное понимание души героя приходит к читателю тогда, когда он узнает об его увлечении литературным творчеством. Впервые поэтическое дарование проснулось в нем в первые месяцы пребывания в крепости, возможно, не без влияния едва расцветшей любви. Одним из ранних образцов его лиры, безжалостно осмеянным Швабриным, читатель может насладиться в четвертой главе. Однако поэтический пыл не угас в юном стихотворце. Поэзия навсегда стала неотъемлемой частью душевной жизни героя. С присущей ему скромностью Петр Андреевич замечает: «Опыты мои, для тогдашнего времени, были изрядны, и Александр Петрович Сумароков, несколько лет после, очень их похвалял» (281). Заметим, что удостоиться похвалы А. П. Сумарокова, критика весьма взыскательного, могли только действительно хоро-

шие стихи. Да и стиль Гринева — автора записок — изобличает человека, великолепно владеющего пером и обладающего незаурядным литературным талантом. Между тем, как помним, Пушкин был абсолютно убежден в неразрывном единстве красоты и нравственности. Вот теперь становится понятно, откуда в Петруше Гриневе доброта и человечность, покоровившие Пугачева. Но талант не может быть объяснен влиянием обстоятельств, это дар природы. Таким образом, в «Капитанской дочке» Пушкин утверждает: характер человека обусловлен жизненными обстоятельствами во многом, но далеко не во всем. А потому не все в человеческой душе поддается анализу и объяснению, есть в ней и необъяснимое, иррациональное, лишь прозреваемое чутьем писателя начало.

Все это заставляет нас еще раз вдуматься в диалектику характера и обстоятельств в позднем пушкинском творчестве. В частности, обращает на себя внимание ярко выраженная активность жизненной позиции героев. В самом деле, ни Пугачев, ни Гринев не являются пассивными натурами, подчиняющимися неумолимой логике жизни. Возглавив народное восстание, Пугачев предпринимает отчаянную попытку изменить мир, воздействовать на обстоятельства. Но и Гринев упорно пишет свои записки с той же самой целью! Он стремится силой своего слова воздействовать на умы современников и потомков, побудить их к нравственному самоочищению, что, по его убеждению, является единственным способом изменения мира к лучшему. Удалось ли это героям «Капитанской дочки»?

Обратимся к финалу романа. Из него мы узнаем, что потомство Петра Андреевича Гринева «благоденствует» в деревеньке, принадлежащей десяти помещикам. Ясно, что состояния дед внукам не оставил, поскольку жизнь свою посвятил другим целям. Однако внуки хранят о нем благодарную память. Они не уничтожили, оставшиеся после деда записки, но бережно сохранили их. Один из внуков не пожалел усилий, чтобы разыскать издателя, который заинтересовался бы этими записками, и добился того, чтобы они увидели свет. Хороших внуков воспитал Петр Андреевич Гринев! А сколько молодых читателей задумается над его строками и, может быть, изменит свое отношение к жизни, свое понимание ее смысла! Чем больше будет таких людей, тем труднее будет злу править миром. Видно, не зря была прожита эта жизнь. Но в таком случае не зря прожил свою жизнь и Пугачев, ведь не будь этой удивительной встречи, не было бы и того Петра Андреевича Гринева, которым мы восхищаемся, и которого любим. Так зрелый Пушкин утверждает идею взаимодействия характера и обстоятельств, значительно усложняющую реалистическую концепцию мира и человека: не только обстоятельства

формируют характер, но и характер способен оказывать на обстоятельства существенное влияние.

Вот и снова пришлось нам задуматься о «бесмысленном и беспощадном» русском бунте. Беспощадность несомненна, но бессмысленность? Ведь именно благодаря историческим обстоятельствам были написаны замечательные записки Гринева. Значит, смысл все-таки был? Но он обнаружился не там, где мы его привыкли искать. В рамках короткой человеческой жизни те или иные события действительно кажутся бессмысленными, поскольку не приводят к ожидаемым нами результатам. Но история не бессмысленна и у нее своя логика. Смысл истории — сложнейшая философская проблема, пожалуй, впервые поставленная в русской литературе именно Пушкиным. Она заставляет читателя задуматься о своей ответственности перед историей, которую делаем мы сами.

ЛИТЕРАТУРА

Газетдинов Н. И. Реализация принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве России // Журнал российского права. — 2005.- № 1. — С. 68–74.

Данные об авторе

Татьяна Анатольевна Ложкова — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского государственного педагогического университета (Екатеринбург).

Адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.

E-mail: lozhkova@eka-net.ru

About the author

Tatyana Anatolyevna Lozhkova is a Doctor of Philology, Professor of Russian and Foreign Literature Department of the Ural State Pedagogical University.

Гей Н. К. Пушкин-прозаик. Жизнь — Творчество — Произведение. — М.: ИМЛИ им. А. М. Горького РАН, 2008. — 488 с.

Гуковский Г. А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. — М.: Гослитиздат, 1957. — 416 с.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. Т. 1: А-З / под ред. Проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ. — М.: Терра-Книжный клуб, 1998. — 912 с.

Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Кн. для учителя. — М.: Просвещение, 1988. — С. 107-123.

Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы (1833—1836). — Л.: Худож. лит., 1982. — 463 с.

Мифы народов мира: Энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — М.: Рос. энциклопедия, 1994. — Т. 1. — А-К. — 671 с.

Оренбургская пушкинская энциклопедия. — Оренбург: Печатный дом «Димур», 1977. — 520 с.

Петрунина Н. Н. Проза Пушкина: Пути эволюции. — Л.: Наука, 1987. — 335 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. дом). — Л.: Наука, 1977–1979. — Т. 6. Художественная проза. — 1978. — 575 с.

Цветаева М. И. Мой Пушкин. — СПб.: Азбука-классика, 2006. — 224 с.